

УДК 321.7

А. В. ШАЛАК

*доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права*

ТРАНЗИТ ДЕМОКРАТИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ОДНОЙ КНИГИ

A. V. SHALAK

*Doctor habil. (Historical Sciences), Professor,
Baikal State University of Economics and Law*

THE TRANSIT OF DEMOCRACY: CONTEMPLATIONS ON THE PAGES OF ONE BOOK

Заголовок статьи, наверное, в большей степени отражает содержание вышедшей из печати монографии «Демократия в российском зеркале»¹. Научный труд предполагает рассмотрение многогранных аспектов демократии на определенной методологической основе с применением строгого методического инструментария. Хочется получить внятный анализ по вопросу содержания демократии и ее транзита, тем более что многие авторы коллективной монографии — известные российские и иностранные политологи.

Как заявлено во введении, цель данного издания — на основе аналитического подхода разобраться, как демократия работает на самом деле, каких целей ей удастся достичь, каких — нет. Однако «аналитический метод» практически сразу ставится под сомнение. Приводятся слова А. Суареса, первого премьер-министра демократической Испании: «Будущее не прописано заранее, поскольку только народ может написать свое будущее» (с. 6). Задается тон, согласно которому только народ знает и способен определить свое будущее. Аналитика со своим методическим инструментарием превращается в нечто вроде гадания на кофейной гуще. Однако дальнейшее изложение материала свидетельствует, что данная цитата для авторов монографии — пустая сентенция. Излагаемые ими подходы весьма далеки от такого понимания содержания демократии.

Ссылки на мнение классиков окончательно развеивают миф о демократии как власти народа. В частности, приводится суждение А. Токвиля о том, что народ не успевает переварить быстрые демократические изменения, ситуация выходит из-под контроля реформаторов, сам процесс обретает свою логику развития и чаще всего приводит к хаосу и распаду старой институциональной и ценностной системы, из которой вырастает новая форма тирании (с. 15–16). А. Токвиль не является пионером подобного мнения. Так же считал еще античный мыслитель Платон. Получается, что процесс демократизации (транзит демократии) инициируют реформаторы, а не народ, только вот ответственность возлагается на последнего, поскольку «народ не успевает переварить» эти демократические изменения.

Дальше — больше: А. М. Мигранян, отвечая критикам понятия «суверенная демократия», опираясь на опыт прошлого столетия, утверждает, что демократия может быть суверенной (т. е. развиваться на собственной почве) — с его точки зрения, это Великобритания, США и Франция, и несуверенной (послевоенные Германия и Япония). Следовательно, если встать на эту позицию, то демократия навязана всему остальному миру англосаксонской цивилизацией, и выдается это за выбор народа.

Большинство авторов монографии не столь категоричны, но и стремления с их стороны увязать содержание демократии с властью народа не наблюдается. Гораздо

¹ Демократия в российском зеркале / сост. А. М. Мигранян, А. Пшеворский. М. : МГИМО-Университет, 2013. 519 с.

© А. В. Шалак, 2014

больше попыток определиться с содержанием демократии, опираясь на присущие ей институциональные элементы. Какого-либо единства в этом подходе также не наблюдается, но при этом все авторы в оценочных суждениях единодушны: транзит демократии в Россию завершился ничем. При этом особой аргументацией авторы монографии себя не утруждают. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Стивен Холмс определяет демократию как систему, где «в результате честных выборов хорошо организованная партия со значительной поддержкой избирателей может проиграть другой хорошо организованной оппозиционной партии, также способной управлять страной, и после подсчета голосов добровольно передает ей власть» (с. 66). Развивая данный тезис, автор приходит к странному заключению: «Выборы имеют смысл только тогда, когда результаты неизвестны заранее» (с. 86). А поскольку выборы в России, большей частью, предсказуемы, то делается вывод, что сейчас в нашей стране демократии нет. Демократической Россия, оказывается, была в 1990-е гг., тогда был плюрализм и свобода СМИ. «Плюрализм... придал ряду печатных изданий яркость и откровенность. Печатавшиеся в СМИ репортажи о первой чеченской войне смогли заставить власть пойти на временное перемирие...» (с. 80). Не будем пытаться найти хоть одну западную страну, где бы во время боевых действий СМИ демонстрировали подобный «плюрализм». При этом предсказуемость выборов в западном мире почему-то не трактуется как отсутствие демократии. И это неслучайно, поскольку непредсказуемость всегда сопровождается конфронтацией, что никак нельзя переносить на почву западных «демократий», но, очевидно, вполне приемлемо для стран, осуществляющих транзит демократии.

В чем же причина невосприимчивости России к демократии? Ничего оригинального авторы придумать не могут, поэтому воспроизводят логику периода «холодной войны». «Выдвинуто множество причин, объясняющих провал демократизации в России... Наиболее широко распространенная... российская культура — категория враждебная по отношению к демократии... Российская постсоветская экономика больше, чем культура, страдала от бремени тяжелого советского наследия...

Единственно возможным вариантом было разрушить все до основания, выстраивать с нуля, при этом нисколько не заботясь о судьбах тысяч обученных и стареющих рабочих» (с. 97). Так и было сделано, при этом никто из авторов даже не пытается пояснить, как данный подход связан с выбором народа или хотя бы в какой-то степени с его интересами. И как это вообще возможно привязать к демократизации? Неужели миллионы безработных, деиндустриализация страны, снижение конкурентных возможностей являются признаками движения к демократии? Защита прав и свобод, большинство из которых являются социально-экономическими и за которые должны радеть прежде всего сторонники демократии, вообще не упоминается.

Далее выдвигается тезис, что истинная демократия способствует укреплению государства. Каким образом? «Теория демократии гласит, что укрепление государства происходит в том случае, когда оно удовлетворяет социальные запросы большинства. Поэтому демократия считается такой политической системой, которая обеспечивает взаимосвязь государства и общества, не лишая государство способности проводить последовательную политику, а только направляя его в сторону общественных нужд и чаяний, интересов и мнений. ...Путинский режим... антидемократичен в том смысле, что власть отчуждена от населения» (с. 100). Получается интересная логика: вначале нужно снести все из-за враждебности российской культуры неким демократическим ценностям, а затем обвинять уже путинский режим, поскольку он не удовлетворяет социальные запросы большинства, ибо государство не может адекватно реагировать на социальные нужды населения после погрома экономики. То есть во время погрома экономики демократия увязывается только со свободой СМИ, а после него со способностью государства реагировать на социальные нужды населения, а поскольку возможности государства ограничены, то на этом транзит демократии заканчивается.

Отсутствие какой-либо методологической основы демократии отмечает в авторском разделе монографии известный политолог М. В. Ильин. «Понимание демократии предполагает отсутствие одного единого «сущностного» набора нормативов и принципов, а уж тем более следование одной-един-

ственной "придумке"» (с. 143). Тем самым автор, очевидно, поддерживает точку зрения А. М. Миграняна по вопросу «суверенной демократии». Если демократия действительно не имеет сущностного содержания, то безосновательна критика понятия «суверенная демократия». В любом политическом режиме можно найти такие институциональные элементы, которые позволяют утверждать о его демократическом характере.

В чем заключается содержание демократии, автор не уточняет, но считает, что транзит демократии может быть осуществлен в форме «цветных революций», так как они, с точки зрения автора, несмотря на их катастрофические последствия для национальных экономик, носили «...демократический или протодемократический... характер» (с. 152). Почему в России невозможен подобный вариант? На это М. В. Ильин дает такой ответ: «В стране отсутствует артикулированная оппозиционная идеология, способная оправдать возможные жертвы общественного протеста... В стране отсутствует широкая культурная рамка, способная придать смысл радикальным переменам и объединить общество в стремлении к ним» (с. 162). То есть, с одной стороны, опять виновата наша культура, с другой — отсутствие ориентации на жертвы и революционные преобразования. Каким образом увязать все это с элементарными гражданскими правами (правом на жизнь, например), автор не объясняет. Любой радикализм в обществе порождает насилие, но никак не терпимость, однако автор этот вывод, прописанный в учебниках по политологии, игнорирует.

Сожалеет М. В. Ильин и о том, что Западом в организации цветных революций тоже не помощник. «Внешнее влияние неспособно... решительным образом стимулировать гражданскую активность в России. К любым международным организациям... российское государство подходит с презумпцией недоверия. ...для современных русских Запад более не выступает нормативистским образцом и мобилизующим примером» (с. 162–163). Заканчивает автор на пессимистичной ноте: «...ряд ключевых структурных факторов революции в России пока не сформировался» (с. 164). Таким образом, транзит демократии в форме цветных революций в России также невозможен. Нужна ли революция в России и какие из стран, прошедшие через цветные

революции, развили демократические институты, создали конкурентную экономику? Думается, и данный вопрос волнует автора меньше всего, как и то, что терпимость в политических отношениях не строится на революционных принципах и ценностях. Это движение в сторону от формирования реальной конкуренции в политической сфере. Режим управляемой демократии так же далек от демократии, как и революция.

Во второй части монографии авторы пытаются перейти от общих рассуждений о демократии к конкретному анализу ее проявлений в России. Ряд авторов монографии, как и в первой части, настойчиво увязывают демократию с выборами. Отличаются их подходы лишь мелкими нюансами. Джон Данн в статье «Оценка демократии как формы правления для определенных территорий: утопия или апологетика?» ставит непростые, но предельно актуальные вопросы: является ли Россия демократией, если да, то каковы ее признаки? Если не является, то может ли она быть демократией сейчас? А если она может быть демократией, то должна ли она быть демократией сейчас? А если она не является демократией сейчас, то в чем причины (с. 168–169)? Так же, как и Стивен Холмс, Джон Данн склонен считать, что «ключевой институциональный механизм для наделения демократических режимов убедительностью — это предположительно честные и справедливые выборы, в которых участвуют фактически все граждане» (с. 171). Но можно ли согласиться с этим, игнорируя социокультурные и прочие основы демократии? Что такое «честные выборы» в Афганистане или Ираке? А как быть с многоаспектной проблемой рационального выбора? Но даже если все это оставить в стороне, а свести демократию к «честным и справедливым выборам», то каковы их критерии? Джон Данн не предлагает методики анализа выборов на предмет демократичности, а без этого суждения политолога выглядят бездоказательными, пристрастными и при этом не сопровождаются иллюстративным материалом по России и сравнительным по тем странам, где демократические институты, с точки зрения автора, устоялись.

Б. И. Макаренко отмечает, что природа политического режима определяется прежде всего уровнем конкурентности выборов (с. 219). Но дальнейшее изложение роли

выборов сводится только к легитимации власти. Только вот легитимируют власть и неконкурентные выборы. Проблема даже не в этом, насколько они конкурентные или нет, а насколько качественные представители получают мандат на представительство интересов. Ключевая проблема в этом.

Хосе Мария Мараваль пытается увязать выборы с рациональным поведением избирателей. «Правление непосредственно народом и для народа может быть обеспечено, только если есть точная политическая информация относительно выбора кандидатов и ответственности инкубентов» (с. 246). С этим невозможно не согласиться. Но какова технология решения данной проблемы? Еще Н. Макиавелли отмечал, что в борьбе за власть побеждают те, у кого больше наличных ресурсов. Информация в данном случае — один из видов ресурсов, не более. И кто владеет этим ресурсом? СМИ не случайно считаются четвертой властью в обществе. Манипуляции общественным сознанием считаются основным методом осуществления власти там, где необходимо обеспечить видимость выбора от имени народа. На с. 248–249 автор описывает так называемый «валентный опрос», при котором опрашивают только своих и результаты выдаются за массовые предпочтения граждан. «Такие кампании стали обычной практикой демократической политики» (с. 249). Ставшая типичной практикой грязная манипулятивная технология, не имеющая ничего общего с доведением истинной информации, автором, как минимум, не осуждается. А что происходит в тех странах, где выборы не являются демократическими? Автор отмечает: «...просвещенные» лидеры в псевдодемократиях... ограничивают когнитивную информацию и пытаются контролировать альтернативы» (с. 250). И попробуй, читатель, узреть в этом логику: изоэтированные технологии на Западе с целью манипулирования предпочтениями избирателей (валентный опрос) — это есть демократия, но аналогичная практика в других странах — есть «псевдодемократия».

Авторы постоянно указывают на то, что в условиях настоящей демократии выборы носят непредсказуемый характер. Поскольку в России этого нет, следовательно, нет и демократии. Непонятно, почему авторы усматривают в непредсказуемости выборов важнейший критерий их демократичности. Примеры,

конечно, есть, когда выборы заканчивались с результатом, противоречащим социологическим опросам. Но много ли таких примеров? На уровне фактов — единичные случаи. Почему эти исключения возводятся в ранг закономерности? На Западе результаты выборов не менее предсказуемы, чем в России, и это авторы подтверждают тем, что успешное развитие экономики отнюдь не гарантирует победу на выборах правящей группе. Если это так, то чем руководствуются граждане? Почему непредсказуемость, в результате которой у власти могут оказаться свои гитлеры, есть демократичность? Очевидным в данном случае является также и то, что предпочтения избирателей оформляются на основе не рационально-прагматичного выбора, а тех изоэтированных информационных технологий, которые используют союзные либо подконтрольные политикам СМИ. Поэтому, если у власти окажутся политики, устраивающие западные страны, выборы будут признаны демократичными. А если та или иная партия по полвека у власти? «...Долгое пребывание у власти не показатель недемократичности выборов, если власть разделена: партия правительства не контролирует СМИ, судебную власть, центры экономической власти или профсоюзы» (с. 253). Предсказуемость, следовательно, может и согласовываться с демократией. Вот и попробуй по таким «критериям» определить, где есть демократия, а где ее нет.

В стремлении разобраться в содержании демократии Паскуале Паскуино обращается к практике античной демократии. Свой анализ он заканчивает выводом: афинская демократия являлась правлением бедных (с. 189). Данный вывод далеко не безупречен, поскольку уже Аристотель видел разнообразие древнегреческой демократии и отнюдь не сводил ее к правлению толпы. Но тем не менее явных проблем у античной демократии было столько, что до XIX в. в западной политической теории демократия считалась не просто плохой, а даже «дегенеративной» формой правления. Современные западные демократии, с точки зрения автора, «безусловно, представляют собой множество вариантов смешанного устройства (лишенных своей социальной антропологии)» (с. 196). Несмотря на наличие элементов прямой демократии (референдумы, отзывы депутатов, инициативы граждан

и пр.), большая часть политических решений — от ведения войны до экономической и социальной политики — находится в руках избранных политиков. Кроме того, существуют невыборные институты, такие как независимые центральные банки, конституционные суды, осуществляющие активную нормативную власть. Критически относясь к сведению демократии лишь к конкурентным выборам (на чем настаивают А. Пшеворский, Стивен Холмс, Джон Данн), автор считает, что определяющую роль при демократии играет политическая культура элит. Автор в этом смысле солидаризуется с шумпетеровским пониманием содержания демократии. Трудно с этим не согласиться, но в этом случае содержание демократического режима власти вообще не имеет четких границ. Нельзя же ведь отрицать, что ответственной властью может быть и там, где нет института выборов.

Таким образом, на примере данной монографии можно констатировать, что содержание демократии в современный период приобрело самые расплывчатые, можно даже сказать, причудливые очертания. При этом сложно не заметить, что эта тема все больше приобретает характер информационного фантома и используется в геополитических целях. Транзит демократии — важнейший аспект геополитики, особенно в части информационного контроля за политическим пространством. Геостратегия предполагает, что любое крупное государство, осознающее

свои национальные интересы и стремящееся их защитить, будет исходить из такой модели развития, которая обеспечит ей безопасность, стабильность и наращивание конкурентоспособных преимуществ. Демократия в этом случае займет то место, которое будет соответствовать данной стратегии. Естественно, что демократия «по-китайски» или «суверенная демократия» в России, как и прочие демократии, будут иметь множество отличий. С точки зрения западной геостратегии, их можно вообще не считать демократиями, поскольку демократией в данном случае будет считаться то, что отвечает целям Запада. Думается, что это и есть то яблоко раздора, о котором авторы сборника предпочитают не говорить, но которое легко прочитывается. В свете последних событий на Украине особенно очевидно навязывание англосаксонской цивилизацией такого понимания демократии, которое отвечает их стратегическим интересам. Таким образом, «демократия» в современных условиях есть не ценность сама по себе, а в гораздо большей степени оружие в информационной борьбе, победа в которой открывает доступ победителю к ресурсам страны. Поэтому говорить о неких ценностных аспектах «внутренней демократии» в условиях глобализации, как вещи в себе, сложно, если вообще возможно. По крайней мере, материалы изданной монографии свидетельствуют об этом более чем красноречиво.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

Author

Shalak Alexander Vasilievich — Doctor habil. (Historical Sciences), Professor and Chair, Department of History and Economic and Political Doctrines, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: Shalak-av@isea.ru.